

СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И
ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

в С. Петербург: в Контору Редакции Свѣрной Пчелы, на Мойкѣ, подлѣ Почтамтскаго Мостика, въ домѣ Д. Ст. Сов. Греча, № 83-й, и въ книжныхъ магазинахъ: Г. Ратькова (на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малаго Морской, въ д. Бейльштейна) и Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ, № 24-й); въ Москвѣ: въ книжн. лавк. Свѣшниковъ (на Никольской Улицѣ, № № 4-й и 5-й), и у И. В. Базунова (на углу Большой Дмитровки, въ д. Загражскаго). — Иногородные благоволятъ адресоваться прямо въ Контору Редакции.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1854 ГОДЪ:
За годовое изданіе, въ С. Петербургѣ безъ доставки 12 р. сер.
съ доставкою 15 " "
съ пересылкою въ города 16 " "
Полугодовая цѣна въ С. Петербургѣ, съ 1-го Іюля
1854 г. по 1-е Января 1855 г., безъ доставки . . . 7 " "
съ доставкою 8 " 50 к.
съ пересылкою 9 р. сер.

Выходить ежедневно,
кроме дней праздничныхъ и воскресныхъ.

№ 180.

Пятница 13-го Августа.

1854.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ, 12-го Августа.

Высочайшимъ Приказомъ, по Военному Вѣдомству, 10-го Августа, Командующій Резервною Бригадою 9-й Пѣхотной Дивизіи, Елецкаго Пѣхотнаго Полка Полковникъ Гине 1-й, произведенъ въ Генералъ-Маіоры, со старшинствомъ на основаніи Всемилостивѣйшаго Манѣста 18-го Февраля 1762 года, съ оставленіемъ въ настоящей должности и съ зачисленіемъ по Арміи. — Исключены изъ списковъ умершіе: Драгунскаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго Полка Полковникъ Гросманъ, и Командиръ № 1-го Полка Астраханскаго Казачьяго Войска, Подполковникъ Яценковъ.

— Высочайшимъ Приказомъ, по Военному Вѣдомству, о чинахъ гражданскихъ, 8-го Августа, произведены, за отличіе по службѣ, со старшинствомъ: изъ Коллежскихъ въ Статскіе Совѣтники, Ординарные Профессоры Императорской Медико-Хирургической Академіи: Олендскій, Энкъ, Старшій Докторъ Запасныхъ Гвардейскихъ Баталіоновъ Франкъ, и Главный Докторъ Севастопольскаго Военнаго Госпиталя Гейманъ. — Членъ Кіевской Комиссаріатской Комиссіи, Статскій Совѣтникъ Кресталь, назначенъ Членомъ Воронежской Комиссаріатской Комиссіи. (Р. И.)

Высочайшимъ Приказомъ, по Гражданскому Вѣдомству, 1-го Августа, Начальникъ Отдѣленія Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Статскій Совѣтникъ Манантовъ 2-й, уволенъ, за штатомъ, отъ службы.

— Высочайшимъ Приказомъ, по Гражданскому Вѣдомству, 4-го Августа, уволены отъ службы, по прошеніямъ: Иркутскій Губернскій Прокуроръ, Статскій Совѣтникъ Шапошниковъ, и Секретарь Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны,

ПЧЕЛКА.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ БЕСѢДЫ.

О художественной дѣятельности М. И. Глинки. — Подъ общимъ разборъ оперы *Жизнь за Царя*.

(Введеніе.)

Статья первая.

Странные случаи бываютъ въ жизни! Нѣтъ несомнѣнно челоука, занимающаго постороннихъ своею личностію. Я это весьма хорошо понимаю и чувствую, а между тѣмъ вынужденнымъ нахожусь обратить вниманіе читателей на мою особу, и волею, неволею говорить о себѣ. Повѣрьте, что я дѣлаю это не изъ себѣлюбія или самохвальства, а движимый горячимъ сочувствіемъ, любовью и уваженіемъ къ огромному таланту гениальнаго нашего композитора М. И. Глинки.

Давно уже прислушивался я къ толкамъ, мнѣніямъ и разсужденіямъ на счетъ музыки М. И. Глинки; давно и съ нетерпѣніемъ ожидаю оцѣнки художественной его дѣятельности; но увя! ожиданія мои напрасны!

Достоинству биографу Моцарта, глубокомысленному музыкальному рецензенту Г. Ульбихену, предстояла бы честь разобрать творенія М. И. Глинки, но Г. Ульбихенъ давно уже покинулъ критическое поприще, и хранитъ молчаніе къ всеобщему сожалѣнію всѣхъ истинныхъ любителей музыки. Спеціальные люди по части музыки долго не рѣшались приняться у насъ за перо; я ждалъ, долго ждалъ, и наконецъ, въ исходѣ 1851 года, рѣшился испытать свои силы, и изъ любви къ искусству проложить себѣ тропинку по терновому пути музыкальной критики. Чтобы слова мои на счетъ отечественныхъ композиторовъ имѣли какой

Статскій Совѣтникъ Стейдеръ, съ награжденіемъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

— Высочайшимъ Приказомъ, по Гражданскому Вѣдомству, 5-го Августа, произведены, за выслугу лѣтъ, изъ Коллежскихъ въ Статскіе Совѣтники: Императорскихъ Университетовъ: Ординарные Профессоры—Дерптскаго Петгольдъ и Харьковскаго Демоя, Московскаго Исправляющій должность Ординарнаго Профессора Бодяскій, и С. Петербургскаго Экстраординарный Профессоръ Усовъ, и Исправляющій должность Профессора Демидовскаго Лицея Федоровъ, — всѣ со старшинствомъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу томъ, что, при слѣдованіи Донскаго № 44-го Казачьяго Полка по Лифляндской Губерніи, мѣстные владѣльцы встрѣчали казаковъ съ радушіемъ; Ротмистръ Энгельгардъ, кромѣ угощенія, сдѣланнаго имъ для нижнихъ чиновъ, пожертвовалъ десять четвертей овса, а помѣщикъ Фоль-Бергъ 450 пудъ сѣна въ пользу полка; въ г. Ригѣ офицеры и нижніе чины угощены были обѣдами отъ Русскаго купечества и при этомъ казакамъ отпущено по чаркѣ водки и по кружкѣ пива каждому. — Высочайше повелѣть соизволилъ: благодарить всѣхъ участвовавшихъ въ означенномъ радушіи и пожертвованіяхъ.

— Государь Императоръ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и по положенію Комитета Г. Министровъ, 18-го Мая и 1-го Іюня сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: врачу Сергіевскихъ Минеральныхъ Водъ, которому статью 396 ю Учрежд. Врач. Т. 13 Св. Зак. (изд. 1842 г.) предоставлено право, по окончаніи курса леченія, жить остальное время въ Казани, дозволять проживать не только тамъ, но въ столицахъ и другихъ городахъ имперіи, съ тѣмъ, чтобы онъ являлся къ мѣсту своего служенія заблаговременно, до начала курса, для надлежащихъ приготовленій къ открытію онаго.

— Нарвскій дворянинъ Александръ Болтонъ и почетный гражданинъ Гентъ изъявили желаніе передать въ распоряженіе Нарвскаго Артиллерійскаго Вѣдомства пять принадлежащихъ имъ морскихъ карронадъ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу, соизволилъ на принятіе означенныхъ орудій, Высочайше повелѣть соизволилъ: дворянину Болтону и почетному гражданину Генту

нибудъ всѣхъ, мнѣ слѣдовало заинтересовать чѣмъ нибудь читателей, обратить ихъ вниманіе на себя, и я избралъ первымъ моимъ опытомъ разборъ общезвѣстной оперы Мейербергера *Робертъ*, а чтобы оправдать себя въ глазахъ публики, которая могла потребовать у меня отчета, по какому праву я присвоиваю себѣ званіе музыкальнаго критика, я почти въ то же время, прешивая въ редакцію журнала «Современникъ» передѣланную мною повѣсть съ Французскаго Языка, написалъ слѣдующее объясненіе:

«Встарину я писалъ кантаты, баллады, ораторіи, даже покумался на сочиненіе оперъ! * Двѣ изъ нихъ были исполнены, приняты публикою благосклонно, во время и послѣ представленія меня вызывали по нескольку разъ, и видѣть Богъ, что я никого о томъ не просилъ; но по третьему разу грозныя двери потнаго архива отворились предъ моими партитурами, и закрылись навѣкъ не хуже гробовой доски. Не моя въ томъ вина! Причиною тому стеченіе различныхъ обстоятельствъ, которыя трудно да и не къ чему объяснять. Однако жъ, что было дѣлать? Куда дѣваться? А между тѣмъ творчество не угомонялось въ тревожной головѣ.

«Писать романы надево, да и невозможно, хотя многіе изъ нихъ сдѣлались народнымъ достояніемъ, что доказывали шарманщики, разыгрывая ихъ на сильныхъ своихъ инструментахъ; но повторяю, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, романы мнѣ писать было нельзя, потому что мода на меня прошла. Встарину у меня выпрашивали романы и щедро за

* Странно! Но, не смотря на охранающій меня псевдонимъ и грозное молчаніе будто бы необращающихъ на меня вниманія нашихъ толстыхъ журналовъ, нынѣ въ Петербургѣ почти никто не сомнѣвается въ справедливости моихъ показаній.

объявить благодарность Его Императорскаго Величества.

— Отъ 15-го Іюля 1852 года Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ представлялъ Правительствующему Сенату о Высочайше утвержденномъ 7-го Іюля того года мнѣніи Государственнаго Совѣта, о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ, вмѣстѣ съ копіею Высочайше разсмотрѣннаго Положенія по сему предмету. Введенное, на семь основаній, съ 1-го Января 1853 года, въ видѣ опыта, на три года, взаимное застрахованіе строеній отъ пожаровъ обязательно было лишь для домохозяевъ изъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій; но какъ оно установлено въ замѣнъ существовавшаго прежде на пособія въ пожарныхъ случаяхъ сбора по чѣтыре копѣйки съ души, въ платежъ котораго не участвовали водворенные на казенныхъ земляхъ Еврей-земледѣльцы, то и самое застрахованіе на нихъ распространено не было. Нынѣ Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Государственныхъ Имуществъ въ 7-й день сего Іюня, Высочайше повелѣть соизволилъ: для иренеданія Евреямъ-земледѣльцамъ возможности получить необходимыя въ пожарныхъ случаяхъ пособія, распространить Высочайше утвержденныя правила о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ и на селенія Евреевъ-земледѣльцевъ, съ тѣмъ, чтобы страховые платежи, вносимые тѣми Евреями, для упрощенія счетоводства приписаемы были къ страховому капиталу государственныхъ крестьянъ, и чтобы самое страхованіе было обязательно для всѣхъ безъ изъятія Евреевъ-земледѣльцевъ, также, какъ оно обязательно для всѣхъ государственныхъ крестьянъ. А какъ водворенные въ Новороссійскихъ Губерніяхъ Еврей-земледѣльцы, не состоя въ вѣдомствѣ платя государственныя имуществъ, завѣдываются Попечительнымъ Комитетомъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, и зависящими отъ онаго особыми попечителями, то, соображаясь съ положеніемъ о порядкѣ водворенія Евреевъ-земледѣльцевъ на казенныхъ земляхъ, въ отношеніи сихъ Евреевъ, въ правилахъ Положенія о застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ сдѣлать слѣдующія измѣненія: 1) Всѣ обязанности, возложенныя Положеніемъ на палаты и окружныя управленія государственныхъ имуществъ, отнести къ Попечительному Комитету иностранныхъ поселенцевъ южнаго

края Россіи, а нынѣ съ меня же просить придачи къ моей рукописи.

«Пока я обдумывалъ, къ чему приступить, оставшіяся за расходомъ мелодіи распылялись у меня въ душѣ и сердцѣ, просились, бѣдныя, на бѣлый свѣтъ, а пустить ихъ не куда, принять ихъ не кому! Однажды я сидѣлъ въ горькомъ, тяжеломъ раздумьѣ. Вдругъ пришло мнѣ въ голову, что мелодіи хотя и музыкальныя мысли, но не менѣе того все таки мысли; при обыкновенномъ порядкѣ вещей, онѣ выражаются звуками, это правда, «но высказать ихъ можно иначе,» подумалъ я. Нельзя же смѣшать военной мелодіи съ пасторальною; невозможно не отличить изси любви отъ разгульнаго вакхическаго призыва, напримѣръ. Въ слѣдствіе подобныхъ размышленій и умствованій, я положилъ предъ собою листъ бѣлой бумаги, и окунулъ перо въ чернила.

«Дико мнѣ показалось съ перваго раза имѣть передъ глазами не разграфленную, столь знакомую мнѣ бумагу, а просто бѣлый листъ.

«Признаться сказать, что сначала то и дѣло бывало ставлю теноровый ключъ передъ тѣмъ, что говорить мужчине, дискантовый передъ отътомъ женщины, бекаръ, или отказъ на мѣсто отрочанія, и такъ далѣе. Но дѣло шло впередъ, перо безъ усталости писало, мысли высказывались, періодъ формировался за періодомъ, приключенія приготовлялись по гармоническимъ правиламъ диссонансовъ; музыкальные оттѣнки, *мажоръ* и *сезоръ*, попеременно выражались — кажись, довольно ясно. Цѣлыя сутки прописалъ я, не умолкая; мелодіи поютъ себя, а я ихъ слушаю да пишу; подъ утро я измучился, и заснулъ, покинувъ на столъ усталой головою.

«Просынаюсь часа черезъ два... О, ужасы! о стыды!... по пагубной привычкѣ некоторыхъ Русскихъ, я ду-

края России и къ местнымъ попечительствамъ. 2) Общественныя строения въ селеніяхъ Евреевъ-земледельцевъ, при неимѣніи или недостаткѣ процентовъ съ мірскихъ капиталовъ, въ такомъ только случаѣ застраховывать на счетъ мірскаго сбора, когда не будетъ для того свободныхъ общественныхъ доходовъ, и 3) Двухсемейныя дома, устраиваемыя для новыхъ поселенцевъ о двухъ половинахъ на два семейства, принимать за два двора, доколѣ не сдѣлаются собственностью одного хозяина. (С. В.)

Вчера, 12-го Августа, въ двенадцатомъ часу утра, съ эланга Новаго Адмиралтейства спущенъ 84-хъ-пушечный винтовой корабль «Орель».

Поданная въ С. Петербургскомъ Почтамтѣ 22-го, 23-го и 24-го числа минувшаго Юля простая денежная и страховая казенная и частная корреспонденція, адресованная въ города: Кіевъ, Очаковъ, Бердянскъ, Карасубазаръ, Васильковъ, Радомысль, Каневъ, Перекопъ, Переяславль, м. Смѣло, Евпаторію, Симферополь, Анапу, Керчь, Тамань, Ольвиополь, Елисаветградъ, Херсонъ, Николаевъ, Севастополь, Бѣлую Церковь, Новую Прагу, Чигиринъ, Мелитополь, Черниговъ, Екатеринославль, Полтаву, Климовъ, Добрянку, Городню, Кременчугъ, Нѣжинъ, Прилуки, Ромны, Золотоношу, Лубны, Верхнеднѣпровскъ, Александровскъ, Зеньковъ, Лохвицу, Луганъ, Яготинъ, Миргородъ, Козелецъ, Борзну, Гадячъ, Новомосковскъ, Кобеляки, Конотопъ и Гомель, бывъ отправлена изъ С. Петербурга съ легкою почтою 24-го Юля, разграблена между Годиловичскою и Меркуловичскою станціями Могилевской Губерніи.

С. Петербургскій Почтамтъ извѣщаетъ объ этомъ случаѣ присутственныя мѣста и Гг. корреспондентовъ, для распорядженія къ возобновленію посланной ими въ поименованные выше города 22-го, 23-го и 24-го минувшаго Юля корреспонденціи.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ГОРОДСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРІѢХАЛИ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ:
Изъ Москвы, отставной Тайный Советникъ Скрабицкій, и изъ Курска, Дѣйствительный Статскій Советникъ Суковкинъ.
ВЫѢХАЛИ ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА:
Въ Москву, Генералъ-Майоръ Туголминъ, и въ Порховъ, Тайный Советникъ Адеркасъ.

— Къ 9-му числу Августа большихъ холерою въ С. Петербургѣ состояло 144; въ теченіе сутокъ вновь заболѣло 6, выздоровѣло 5, умерло 2; затѣмъ къ 10-му числу Августа осталось больныхъ 143; въ теченіе сутокъ вновь заболѣло 5, выздоровѣло 13, умерло 4; затѣмъ къ 11-му числу Августа осталось больныхъ 129. (В. Слб. П.)

малъ по-Французски, и цѣлую тетрадь исписалъ не на родномъ, а на иностранномъ языкѣ. И стыдно, и больно мнѣ стало! Куда дѣваться съ такимъ незаконнымъ и уродливымъ порожденіемъ?! Переводить не приходится, да и вовсе невозможно; даже и при сочиненіи музыки думается иначе, когда пишешь на Французскія или Италіянскія а не на Русскія слова; а между тѣмъ бѣдныхъ затворницъ (мелодій) стало жалъ! Выпустилъ я ихъ въ свѣтъ: онъ только что разгулялся, а я имъ и порваться не далъ? Невозможно! Скрывая сердце, продолжалъ, нечего дѣлать; взбрался на Французскія ходули, да и отмырилъ страницъ сто мелкаго почерка.

«Собрались знакомые, пріатели, люди доброжелательные и противнаго качества, и проч. и проч.

«Я поставилъ столъ посреди комнаты, зажегъ свѣчи, положилъ манускриптъ предъ собою, и пошелъ распѣвать свою мелодію... виноваты!.. и началъ читать свой разсказъ или повесть. Присутствующіе переглядывались между собою; каждый боялся, какъ это всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, выразить одобрителное мнѣніе невпопадъ; молчали и съ важностью слушали. Мнѣ становилось неловко и холодно. А встряпкамъ моимъ (мелодіямъ) и горь малю: рады, бѣдняжки, воздухомъ подышать. Наконецъ одна милая, добрая слушательница — дай Богъ ей здоровья! (пожалуйста, приглашайте всегда женщинъ къ слушанію новаго сочиненія), одна изъ милыхъ слушательницъ, говорю я, невытерпѣла, увлеклась, и сказала съ чувствомъ нѣсколько одобрителныхъ словъ. Начался говоръ, поднялись сужденія, пренія; число заступницъ моихъ увеличилось, и къ концу моего чтенія, благодѣтельница моя совершенно ододела: онъ слушали внимательно, улыбались или утирали глазки. Я торжествовалъ! Но... по окончаніи чтенія, одинъ изъ присутствующихъ (человѣкъ съ высокимъ достоинствомъ) взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону и спросилъ хладнокровно: «Скажи,

Биржевыя курсы: 10-го Августа 1854. За серебряный рубль: на Лондонъ, на три мѣсяца, пенс. 36^{1/16}, 37^{1/16}; на Амстердамъ, на три мѣсяца, пенс. 180, 180^{1/4}; на Гамбургъ, на три мѣсяца, ш. 6. 32^{1/2}, 7^{1/16}; на Парижъ, на три мѣсяца, сент. 380, 382. — *Акции продаютъ:* Россійско-Американской Компаніи по 230-ти р., и Пароходнаго Общества Меркурій по 250-ти р. сер.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ.

АНГЛІЯ.

Лондонъ, 15-го Августа. (J. de St. P.) Пренія о общемъ положеніи дѣлъ, которыхъ ожидали наканунѣ закрытія Парламента, не состоялись. Они ограничили разговоромъ между Лордомъ Кларикардомъ и Лордомъ Кларендономъ. Ни одно изъ важныхъ лицъ Верхняго Парламента не участвовало въ этомъ столкновеніи двухъ тщеславныхъ и второстепенныхъ соперниковъ.

Можно было бы сказать, что по безмолвному согласію хотѣли оставить Англію въ недоумѣніи между случайностями войны и надеждою на миръ, не принявъ ни той, ни другой стороны. Это недоумѣніе есть неизбежный результатъ несогласія въ кабинетѣ, и усиливаетъ затруднительность положенія. Дѣйствительно, Англійская политика при нынѣшнемъ министерствѣ управляется случайностями. Событія служатъ ему вмѣсто плана. Отъ этого происходятъ замѣшательство въ понятіяхъ, непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ и неопредѣленность въ рѣчахъ. Нынѣшняя форма парламентскаго рѣчей заключается въ словахъ: «справедливый и честный миръ.» Это опредѣленіе чрезвычайно гибко: событія могутъ расширять его и сокращать. Эта же формула заключается и въ окончаніи королевской рѣчи, которою закрытъ былъ Парламентъ. Изъ всѣхъ предшествовавшихъ рѣчей, эта, кажется, самая слабая. Касательно внѣшней политики, въ этой рѣчи ограничиваются изъявленіемъ благодарности Нижнему Парламенту за щедрость его въ дарованіи средствъ къ продолженію войны; объявляютъ намѣреніе продолжать ее постоянно вмѣстѣ съ Франціею, восхищаются храбростію Турецкихъ войскъ, и вмѣстѣ съ этою данью похвалы, необычайною въ устахъ христіанской Королевы, краснорѣчиво умалчиваютъ о подвигахъ морскаго и сухопутнаго сѣла самой Англій. Другимъ, столь же значительнымъ пропускомъ, совершенно исключены всякіе отзывы объ Австріи и Пруссіи. Такимъ образомъ дѣйствіи Вѣнской конференціи предаются забвенію самымъ обязательнымъ образомъ. — Что же касается до дѣлъ внутренняго законодательства, въ королевской рѣчи приписываютъ военнымъ занятіямъ не-

возможность, въ которой нашелся Парламентъ разсмотрѣть все мѣры, предѣленные на его сужденіе. Это извиненіе кажется насмѣшкою, ибо все знаютъ, что проектъ главнаго закона нынѣшнихъ засѣданій, объ избирательной реформѣ, оставленъ былъ потому, что министерство, раздѣленное во мнѣніяхъ о важности сей мѣры, убѣдилось, что оно не въ состояніи заставить Парламентъ утвердить ее. Словомъ, бесполезныя засѣданія не могли иначе кончиться, какъ безплодною рѣчью. Не смотря на свою ничтожность, она по крайней мѣрѣ прекратила сужденія Парламента. Доколѣ они продолжались, министерство было въ такомъ затрудненіи, что ни какіе мирные переговоры не были возможны. Періодъ отдыха дастъ кабинету болѣе свободы въ дѣйствіяхъ. Вотъ все, что можно сказать о министерствѣ, которое борется между двумя противодѣйствующими мыслями, въ вѣчномъ столкновеніи между добромъ и зломъ.

— (J. de St. P.) Въ Times напечатано длинное письмо изъ Лерзунда (на Аладскомъ Архипелагѣ), отъ 8-го Августа. Въ тотъ самый день Англо-Французскія войска провозгласили на Аладѣ высадку безъ сопротивленія. Авторъ письма говоритъ, что, по достовернымъ источникамъ, Французскія войска должны возвратиться домой немедленно по взятіи Бомарзунда.

— (J. de St. P.) Пароходъ «Гарбингеръ» отправляясь, въ прошедшую Пятницу, изъ Шлимута въ Черное Море съ Адмираломъ Стопфордомъ, который назначенъ командиромъ Англійскаго Флота въ Черномъ Морѣ.

— (J. de St. P.) Въ Делійской Газетѣ напечатано письмо къ Достъ-Магомету отъ агентовъ его въ Гератѣ. Въ письмѣ заключается занимательное изложеніе происковъ, господствующихъ нынѣ въ Средней Азій. Оказывается, что Британская дипломатія пользуется теперь въ этой странѣ весьма малымъ уваженіемъ.

По извѣстіямъ изъ Гонгъ-Конга отъ 22-го Юля, вспыхнули волненія во многихъ мѣстахъ Кантонской Области. Инсурденты овладѣли нѣсколькими мѣстечками въ окрестностяхъ Кантона. Предводитель грозилъ нападеніемъ на самый городъ. Тамъ господствовало величайшее безпокойство, и купцы собрали значительныя суммы для защиты своей собственности. Ни изъ Шанхая, ни объ Американской экспедиціи въ Японію нѣтъ ничего новаго.

Вывозъ чая въ нынѣшнемъ году превосходитъ прошлогоднее количество на 35 милліоновъ фунтовъ.

пожалуйста, зачѣмъ ты думалъ на одномъ языкѣ, а писалъ на другомъ?» Я отступилъ на нѣсколько шаговъ, и воскликнулъ въ смущеніи: «Помилуйте! вся бѣда въ томъ, что я думалъ по-Французски.» — «Не можетъ быть! отвѣчалъ мой собесѣдникъ. У Французовъ мысли имѣютъ природную, непринужденную веселость; шутки имъ, такъ сказать, дѣло врожденное. Въ самыхъ страшныхъ выходкахъ Судіе и Сю просвѣчиваетъ какая-то живость, безпечность, свойственная однимъ Французамъ; они не парятъ, а порхаютъ; замѣть, что Французы, болѣею частью, очерпаютъ все сравненія изъ міра вещественнаго. Нѣтъ ни одного цвѣтка, который не побывалъ бы въ парамели со всеми возможными хорошенькими личиками. Море, рѣки, деревья, луга, все служило предметомъ сравненія. Морскія волны уподоблялись людскимъ страстямъ, теченіе рѣкъ — спокойной жизни, пальма — стройному стану, луга... я забылъ съ чѣмъ Французы сравнивали луга, но увѣренъ, что и они были въ дѣлѣ. Французы, мой другъ, продолжалъ мой несносный пріатель, болтаютъ прелестно, неподражаемо, потому что съ давнихъ временъ разговоръ служитъ имъ элементомъ. Не когда жъ ты видѣлъ, чтобъ Французскій повѣствователь съ первой строки повѣсти до послѣдней парилъ въ мрачныхъ облакахъ туманнаго воображенія? Тамъ ему ни себя показать, ни на другихъ посмотреть невозможно. Повѣрь, что балладная восторженность исключительная принадлежность гармоніи.» — «Но кланюсь, что я не думалъ по Нѣмецки,» прервалъ я съ ужасомъ. — «Нечего таить грѣха, у насъ также есть эта замашка; правда, что она стала, благодаря Бога, выводиться въ послѣднее время... да и тебѣ, мой другъ, советую отъ нея отдѣлаться, прибавилъ окончательно холодный мой другъ.» Я улыбулся принужденно и остолебясь. На слѣдующій день, пообдумавъ хорошенько вышесказанныя рѣчи, я взялъ листъ бѣлой бумаги, и завернувъ имъ, какъ въ саванъ, минуту жив-

шия мои мелодіи, похоронилъ ихъ въ письменномъ столѣ.

«Прошла недѣля, другая; сижу я бывало въ креслахъ не цѣлымъ днѣмъ между фортепіаномъ и письменнымъ столѣмъ, и грустно посматриваю то въ одну, то въ другую сторону; новыя затворницы стали постукивать въ сердце и въ голову, а я боюсь обращаться на нихъ вниманіе. Зажмурю глаза, заткну уши и отмачиваюсь. Наконецъ, отъ борьбы и волненія, я не на шутку занемогъ и слегъ въ постель. Не слажу, чувствую, ей ей, что не слажу съ мучительнымъ требованіемъ творчества! Я началъ съ того, что удалил со стола, стоявшаго близъ моей постели, все иностранныя книги, и окружилъ себя сочиненіями Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина... Цѣлыя ночи я проводилъ въ чтеніи, цѣлыя страницы заучивалъ наизусть, чтобы и Французскую и мелодическую дурь выбить изъ головы. Трудно было болѣзненное мое состояніе! Однако жъ я всталъ однажды, добрался кое-какъ шатаясь до стола, и принялся писать на этотъ разъ по-Русски. Пріатель мой замѣтилъ мнѣ, что я думалъ по-Русски, а писалъ по-Французски: что, если вы скажете мнѣ наоборотъ — право страшно!»

Не подумайте пожалуйста, что я писалъ это для того, чтобъ задобрить кого либо изъ издателей толстыхъ нашихъ журналовъ — оборони Богъ!

Главнѣйшая и такъ сказать задушевная причина, побудившая меня выступить на неблагоугодное поприще музыкальной критики, не что другое, повѣрьте, какъ сердечное мое участіе къ произведеніямъ отечественныхъ нашихъ композиторовъ. Мысль, что гениальныя творенія М. И. Глинки не были еще разобраны, изслѣдованы и оценены по достоинству, прельщала меня безотвязно, и я рѣшился приняться за перо, какъ говорится, набить себѣ руку, и заслужить довѣріе просвѣщенной публики, высказать все, что у меня есть на душѣ, и представить худож-

— (J. de St. P.) По письму из Константинополя, отъ 3-го Августа, въ *Freisifche Correspondenz*, плоския суда, взятыя Турецкою морскою дивизіею при возвращеніи въ Черное Море, не что иное, какъ понтоны, назначенныя для построения мостовъ на рѣкахъ. Полагають, что они будутъ употреблены въ Добруджѣ.

— (M. Fr. 3.) Если, по словамъ поэта, достаточно въ великихъ дѣлахъ одного желанія, то старая Англія должна быть довольна Адмираломъ Непвромъ. Онъ наточилъ абордажныя орудія, и въ то время по истинѣ хотѣлъ завоевать Свеборгъ и Кронштадтъ одинъ за другимъ, или даже вдругъ. Но, при точнѣйшемъ изслѣдованіи обстоятельствъ, оказались нѣкоторыя затрудненія. Притомъ же Виконтъ Кабо де Санъ-Винцентъ (такъ зовутъ Сира Чарлса въ Португаліи за морскую побѣду, одержанную, наиболее посредствомъ измѣны, надъ эскадрою Донъ-Мигеля) могъ возмѣнить неприяную мысль, что Русскіе солдаты нѣсколько разнятся отъ Португальскихъ. Изъ многихъ отзывовъ Англійскихъ газетныхъ трубъ оказывается, что эти два нераскушенные ораха оставлены на будущую кампанію. Невольно при этомъ вспомнишь изворотливаго Сира Джона Фальстафа, какъ онъ увѣряетъ своихъ должниковъ: «въ Четвертокъ получу я деньги.»

Но Бомарзундъ долженъ пасть еще въ нынѣшнемъ году. Англо-Французскія войска уже находятся на Аландъ, и у нихъ, вѣроятно, есть все нужное для надлежащей атаки. Они безъ сомнѣнія встрѣтятъ мужественное сопротивление, но, по незначительности крѣпости и по невозможности доставить ей подкрѣпленіе, конецъ можно предвидѣть. Но тогда возникнетъ несносный вопросъ: «а потомъ что?» Мысль оставить тамъ дивизію Бараге д'Иліе на зиму, по уходѣ флота, не придетъ въ голову и *посль обьда*.

Наши Нѣмецкія газеты дѣлаются иногда очень смѣшными, но ни одна еще не дошла въ этомъ отношеніи до такой степени, какъ такъ называемая Европейская газета Times съ своимъ объявленіемъ о штурмѣ Севастополя. Не смотря на позднее время года и другія затрудненія, кажется, однако же, имѣють въ Черномъ Морѣ важныя замыслы, но только на другой, не столь значительный пунктъ, ибо союзныя главнокомандующіе безъ сомнѣнія видятъ, что противъ Севастополя шестнадцати тысячъ человекъ недостаточно, и что нельзя въ скорости отправить вторе противъ этого числа войскъ, какъ думаютъ многія полевныя крысы.

ническое значеніе нашихъ композиторовъ (и въ особенности Глинки) въ настоящемъ его видѣ.

Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ я написалъ болѣе сотни музыкальныхъ статей; безъ хвастовства скажу, въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ провинціи артисты и любители музыки постоянно читаютъ музыкальныя мои бесѣды, чему я имѣю множество и письменныхъ, и словесныхъ доказательствъ. Въ 1853 году Г. Улыбышевъ удостоилъ меня письмомъ, которое я почитаю величайшею наградою за мои труды*, а между тѣмъ издатели нашихъ журналовъ не признаютъ моего существованія.

Приступая съ любовью и увлеченіемъ къ разбору произведеній отечественнаго нашего композитора, я счелъ необходимымъ передать образованнымъ читателямъ, что если до кого нибудь изъ нашихъ будущихъ читателей не дошло еще извѣстіе о трудахъ моихъ по части музыкальной критики, то это не моя вина. Нынѣ же, желая елико возможно (собственно изъ любви къ искусству), заслужить доваріе, я прошу покорнѣйше освѣдомиться о моихъ правахъ музыкальнаго критика у истинныхъ любителей музыки, а не основывать своего мнѣнія на молчаніи нашихъ журналовъ. Симъ заключаю несносное, но, по моему, необходимое объясненіе и приступаю къ дѣлу.

Ростиславъ.

* Приступая съ любовью къ давно задуманному труду, а именно къ разбору твореній Глинки, я почитаю долгомъ для внушенія большаго доварія читателямъ, привести здѣсь подлинныя слова Г. Улыбышева:

«Tous les amateurs de musique vous doivent sympathie et reconnaissance pour les charmants articles qui vous publiez dans l'Abeille du Nord et autres journaux. En les lisant, je me suis dit bien des fois, avec un orgueil naïf, que l'on pardonne aux vieillards: oui, Rostislav est mon héritier légitime, le seul véritable critique musical qu'il y ait parmi les Russes.»—Простите за дерзкій этотъ штатъ, но письмо это было напечатано въ переводѣ, и обстоятельства вынудили меня напомнить его нынѣ читателямъ.

ФРАНЦІЯ.

Парижъ, 16-го Августа. (J. de St. P.) Въ *Neue Freisifche Zeitung* пишутъ изъ Парижа, отъ 15-го Августа: «Вчера на парадъ солдаты храбро кричали: «да здравствуетъ Императоръ!» но не смотря на то, формированіе императорской гвардіи не подвигается впередъ, хотя уменьшили мѣру требуемаго роста, и продлили срокъ, первоначально назначенный для вербованія. Теперь отправляютъ въ провинціи образцы новыхъ, блистательныхъ мундировъ, чтобъ привлечь охотниковъ. Добрые Парижане сердятся, что Императора нѣтъ здѣсь сегодня, и даже мой портной, жаркій бонапартистъ, недоволенъ и сердатъ. Говорятъ, что Лудовикъ-Наполеонъ сказалъ: «Съ Парижанами надобно поступить, какъ съ котками: чѣмъ больше имъ даешь, тѣмъ болѣе онъ требуютъ. Имъ нуженъ урокъ, и я его дамъ.» Выраженіе очень удачное, и многіе Парижане будутъ сердиться за это на Императора, но я сомнѣваюсь, чтобъ онъ сказалъ это.»

— (M. Fr. 3.) Вчерашній праздникъ прошелъ безъ помехи и несчастій. Въ народѣ не было и слѣда малѣйшаго восторга, потому что удовольствіе черни при воинственномъ представленіи на Марсовомъ Полѣ восторгомъ назваться не можетъ. Вечеру было иллюминировано очень мало частныхъ домовъ: виною этому было отсутствіе двора. Многіе освѣтили бы свои окна, если бѣ дворъ былъ здѣсь. И придворный портной, и Баронъ Ротшильдъ отличились меньше прошлагодняго. Говорятъ, что полиція имѣла причины бояться республиканскаго движенія, приготовленнаго тайными обществами. Дѣло до этого не дошло.»

— (J. de St. P.) Отправленіе войскъ, кажется, на время приостановлено въ Тулонѣ, но продолжается въ Калѣ.

— 17-го числа. (M. Fr. 3.) 24-го числа начнется опять въ судѣ исправительной полиціи политической процессъ. Бывшій сержантъ и депутатъ Буашо, недавно схваченный на повзвѣкъ своей изъ Лондона, обвиненъ съ другими девятью лицами (въ томъ числѣ одна женщина) въ составленіи тайнаго общества, и въ распространеніи возмутительныхъ брошюръ. Только эти девять человекъ и Буашо находятся въ рукахъ полиціи; прочіе же, и въ числѣ ихъ Феликсъ Шіать, Кольфабрю, Ромже и др., судятся заочно.

Изъ южной Франціи, 11-го Августа. (M. Fr. 3.) Лудовикъ-Наполеонъ, на повзвѣкъ своей въ Бирицѣ, не вездѣ былъ встрѣчаемъ радушно. Въ

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Повсемѣстный порывъ принести посильную лепту на алтарь любви къ Престолу и Отечеству, отразился во всѣхъ слояхъ огромной семьи Русской, и нѣтъ никого, кто бы въ часы трудовъ и дѣбуга, въ минуты радости и скорби, способенъ былъ забыть о торжественности настоящей эпохи, для славы и уплоченія благоденствія святой, дорогой сердцу родины. При этомъ направленіи чувствъ и умовъ дачники Льснаго Корпуса, Выборгской Дороги и Шоклонной Горы, тоже сблизились: семейный, такъ сказать, музыкальный вечеръ, обративъ на вспоможеніе поселянъ села Пушляхты, * пострадавшихъ отъ лютой враговъ и нарушенія ими увѣковѣченныхъ правъ войны, между образованными народами. Не смотря на проливной до самаго полудня дождь и на первую въ нынѣшнее лѣто осеннюю погоду, въ прошлое Воскресенье; т. е. 1-го сего Августа, собрались любители музыки на дачѣ Г. Лихачева, въ устроенной въ саду палаткѣ. Таланты Гг. Гейнемейера, Вурма, Албрехта, столь извѣстные Петербургской публикѣ, явились въ новомъ блескѣ; они участвовали здѣсь, какъ лица, принадлежащая къ той же публикѣ, которая собралась провести пріятно время, и по окончаніи своего нумера, каждый возвращался въ кружокъ знакомыхъ. Точно такъ же и изъ среды публики, любительницы: Баронесса Б., дѣвица Ч. и Г. В. доставили слушателямъ удовольствіе исполненіемъ нѣсколькихъ музыкальныхъ пьесъ. Баронесса Б. прелестно спѣла романсъ: *Безумная, я все его люблю, и Ночь въ Гренадѣ*, и артистически выполнила Итальянскую арію. Г. Венцель, сыгравшій на фортепіанѣ полонезъ Вебера, и аккомпанировавшій Гг. Гейнемейера, Албрехта и Вурма, кромѣ чрезвычайной бѣглости и чистоты выполненія, выказалъ глубокія знанія въ теоретической части музыки, а дѣвица Ч., исполнившая два этюда на фортепіанѣ,

* См. № 164-й Св. Пчелы.

Бордо, напримѣръ, приняли его очень холодно. Южная Франція сердится не столько по причинѣ своего стариннаго легитимистскаго сочувствія, или отъ вѣтра, дующаго нынѣ чрезъ Пиреней, а по поводу войны. Особенно въ виноградныхъ департаментахъ господствуетъ большое неудовольствіе, потому что со времени разрыва съ Россіею, торговля виномъ въ Жирондскомъ Департаментѣ находится въ отчаянномъ положеніи. Это важнѣе нежели думаютъ. Такое расположеніе южныхъ умовъ погубило уже Наполеона I: извѣстно, съ какимъ восторгомъ принимали, въ 1814 году, казаковъ въ Бордо. Сообщимъ нашимъ читателямъ нѣкоторыя подробности по сему предмету, ибо въ Мониторѣ, въ статьяхъ о вывозной торговлѣ, хотѣтъ увѣрить весь свѣтъ, что нынѣшній вывозъ по всемъ отраслямъ гораздо выше прошлагодняго. Чтобъ не показаться пристрастными, возьмемъ статистическія извѣстія Французскихъ сочиненій, явившихся до начала войны. Здѣсь утверждаютъ будто Россія разорена блокадою, но мы увидимъ, что на этотъ разъ мечъ былъ обоюдоострый, и ранилъ самихъ меченосцевъ. Не правда, чтобъ Французскій вывозъ вознагражденъ въ Америкѣ, когда закрыты ему отчасти Европейскіе рынки. Въ отношеніи къ винной торговлѣ, это увѣреніе несправедливо.

Директоръ порта въ Бордо, Формартенъ дель-Лесинасъ, замѣчаетъ въ своемъ вновь изданномъ сочиненіи: «Notre marine marchande», что Соединенные Штаты не выписываютъ изъ Франціи столько вина, сколько во Франціи употребляетъ его одинъ городъ въ 50,000 жителей. Что же касается до Англіи, то самъ Брюне, который наиболее надеется на Англію по части вывоза Французскихъ винъ, сознается, что этотъ вывозъ весьма незначителенъ, не столько по причинѣ огромной таможенной пошлины, сколько по тому, что Англичане предпочитаютъ мадеру и портвейнъ. Въ упомянутомъ нами сочиненіи директора Бордоскаго порта, находимъ следующее: «Нельзя разсчитывать на Австрію, которая можетъ довольствоваться пивомъ, рейнвейномъ и венгерскимъ виномъ. Главнымъ пунктомъ потребленія на сушѣ остается одна Россія. Будемъ же держаться Россіи; будемъ строить ей золотой мостъ для ея торговли льсомъ, пенькою и смолою; потребуемъ за это лишь дозволенія снабжать ее преимущественно виномъ. Если мы достигнемъ того, что наши вина въ Россіи будутъ пользоваться такою же популярностью, какъ мадера и портвейнъ въ Англіи, то всего виноградія Жиронды не будетъ достаточно для

и дуэтъ съ флейтою изъ оперы: *Postillon de Lonjumeau*, восхитила быстротою, отчетливостію и нѣжностью игры, соединенными съ изяществомъ вкуса. Въ прошломъ году она участвовала уже въ концертѣ, данномъ родною ея теткою, Г-жею Шоберлехнеръ, какъ ученица Г. Герке, и какъ тогда, такъ и теперь, показала, что она достойна и своего руководителя, и своего родства. Въ антрактѣ какъ публики, такъ и исполнители, гуляли по саду Г. Лихачева, и этотъ семейный, безъ притязаній и этикета вечеръ, надолго останется въ памяти тѣхъ, которые въ немъ участвовали.

— Въ Воскресенье, 9-го и въ Понедѣльникъ, 10-го Августа, цвѣлъ второй цвѣтокъ Викторіи Царственной въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду. Стеченіе публики было еще болѣе прежняго.

— Въ Калькутской газетѣ *Bengal Nugka* пишутъ: «Въ числѣ пассажировъ на пароходѣ, привезшемъ Мадраскаго Губернатора, Лорда Гарриса, находился Французскій джентельменъ, котораго всѣ принимали за новаго Чандернагорскаго губернатора. Всѣ оказывали ему уваженіе, и всѣ пассажиры, не совершенно забывшіе Французскую грамматику, старались при всякомъ случаѣ бесѣдовать съ г. губернаторомъ. Впрочемъ, онъ былъ пассажиръ умный, ласковый и любезный. Къ нему были внимательны всѣ его спутники, и болѣе всѣхъ Лордъ Гаррисъ. За столомъ сидѣлъ онъ обыкновенно по правую руку подлѣ Лорда Гарриса, и съ нимъ исключительно разговаривалъ. Онъ дѣйствительно былъ пароходный левъ. Наконецъ истинный Мадрасскій губернаторъ и мнимый Чандернагорскій должны были разстаться, и распростились самымъ дружескимъ образомъ. Лордъ Гаррисъ вышелъ на берегъ въ Мадрасъ, а Французскій джентельменъ отправился въ Калькутту, и поступилъ въ домъ губернатора командиромъ его кухни: мнимый Чандернагорскій губернаторъ былъ не кто иной, какъ Французскій поваръ Лорда Далгузи.»